

На память 9-го ноября 1843 года княжне Варваре Николаевне Репниной¹

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Душе с прекрасным назначеньем Должно любить, терпеть, страдать; И дар Господний, вдохновенье, Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово!.. Для вас я радостно сложил Свои житейские оковы, Священнодействовал я снова И слезы в звуки
перелил. Ваш добрый ангел осенил Меня бессмертными крылами И тихостройными речами Мечты о рае пробудил.*

Яготин

11 ноября 1843

Души ваши очистивше в послушании истины духом, в братолюбии нелицемерно, от чиста сердца друг друга любите прилежно: порождени не от семени исленна, но не исленна, словом живаго Бога и пребывающаго вовеки. Зане всяка плоть яко трава и всяка слава человека яко цвет травный: изше трава, и цвет ея отпаде. Глагол же Господень пребывает вовеки. Се же есть глагол, благовестованный в вас

Соборное послание первое

святого апостола Петра. 1, 22 — 25.

Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят;
И час уж проходит,
Никто не приходит,
Должно быть, друзьями
Забыты оне.
Они не забыты — в урочную пору,
Обет исполняя, друзья собрались,
И вечную память пропели собором,
Отправили тризну — и все разошлись.
Двенадцать их было; все молоды были,
Прекрасны и сильны; в прошедшем году
Наилучшего друга они схоронили
И другу поминки в тот день учредили,

Пока на свиданье к нему не сойдут.
«Счастлирое братство! Единство любви
Почтили вы свято на грешной земли;
Сходитесь, други, как ныне сошлись,
Сходитесь долго и песнею новой
Воспойте свободу на рабской земле!»

Благословен твой малый путь,
Пришлец убогий, неизвестный!

Ты силой Господа чудесной
Возмог в сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословен! Ты Божью волю
Короткой жизнью освятил;
В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.
Когда брат брата алчет крови —
Ты сочетал любовь в чужих;
Свободу людям — в братстве их
Ты проявил великим словом:
Ты миру мир благовестил;
И, отходя, благословил
Свободу мысли, дух любви!
Душа избранная, зачем
Ты мало так у нас гостила?
Тебе здесь тесно, трудно было!
Но ты любила здешний плен,
Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетных людей.
Но ангела недоставало
У Вечного Царя царей;
И ты на небе в вечной славе
У трона Божия стоишь,
На мир наш, темный и лукавый,
С тоской невинною глядишь.
Благоговею пред тобою,
В безмолвном трепете дивлюсь;
Молюсь тоскующей душою,
Как перед ангелом молюсь!
Сниди, пошли мне исцеленье!
Внуши, навей на хладный ум

Хоть мало светлых, чистых дум;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мрак строптивых помышлений
И разгони, и усмири.
Правдиво, тихими речами,
Ты Расскажи мне все свое
Земное благо-житие
И научи владеть сердцами
Людей кичливых и своим,
Уже растленным, уже злым...
Скажи мне тайное ученье
Любить гордящихся людей
И речью кроткой и смиреньем
Смягчать народных палачей,
Да провещаю гимн пророчий,
И долу правду низведу,
И погасающие очи
Без страха к небу возведу.
И в этот час последней муки
Пошли мне истинных друзей
Сложить хладеющие руки
И бескорыстия елей
Пролить из дружеских очей.
Благословлю мои страданья,
Отрадно смерти улыбнусь,
И к вечной жизни с упованьем
К тебе на небо вознесусь.

Благословен твой малый путь,
Пришлец неславленный, чудесный!

В семье убогой, неизвестной
Он выросал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный... В сердце рану
Змея прогрызла... Детский сон
Исчез, как голубь боязливый;
Тоска, как вор, нетерпеливо,
В разбитом сердце притаясь,
Губами жадными впилась

И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... Ум горел,
В крови гордыня клекотала...
Он трепетал... Он цепенел...
Рука, сжимаяся, дрожала...
О, если б мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой,
Со всеми гадами земными;
Схватить, измять и бросить в ад!..
Он был бы счастлив, был бы рад.
Он хохотал, как демон лютой,
И длилась страшная минута,
И мир пылал со всех сторон;
Рыдал, немел он в исступленьи,
Душа терзалась страшным сном,
Душа мертвела, а кругом
Земля, Господнее творенье,
В зеленой ризе и цветах,
Весну встречая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась,
И пробудилась... Он в слезах
Упал и землю лобызает,
Как перси матери родной!..
Он снова чистый ангел Рая,
И на земле он всем чужой.
Взглянул на небо: «О, как ясно,
Как упоительно-прекрасно!
О, как там вольно будет мне!..»
И очи в чудном полусне
На свод небесный устремляет
И в беспредельной глубине
Душой невинной утопает.

По высоте святой, широкой,
Платочком белым, одинока,
Прозрачна тучка вдаль плывет.
«Ах, тучка, тучка, кто несет
Тебя так плавно, так высоко?
Ты что такое? И зачем
Так пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кем?..»
И тучка тихо растопилась
На небе светлом. Взор унылый

Он опустил на темный лес...
«А где край света, край небес,
Концы земли?..» И вздох глубокий,
Недетский вздох, он испустил;
Как будто в сердце одиноком
Надежду он похоронил.

В ком веры нет — надежды нет!
Надежда — Бог, а вера — свет.

«Не погасай, мое светило!
Туман душевный разгоняй,
Живи меня Твоею силой,
И путь тернистый, путь унылый
Небесным светом озаряй.
Пошли на ум Твою святыню,
Святым наитием напой,
Да провещаю благостыню,
Что заповедана Тобой!..»

Надежды он не схоронил,
Воспрянул дух, как голубь горный,
И мрак сердечный, мрак юдольный
Небесным светом озарил;
Пошел искать он жизни, доли,
Уже прошел родное поле,
Уже скрывалось село...
Чего-то жаль внезапно стало,
Слеза ресницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего-то жаль нам в прошлом нашем,
И что-то есть в земле родной...
Но он, бедняк, он всем не свой,
И тут и там. Планета наша,
Прекрасный мир наш, рай земной,
Во всех концах ему чужой.
Припал он молча к персти² милой
И, как родную, лобызал,
Рыдая, тихо и уныло
На путь молитву прочитал...

И твердой, вольною стопою
Пошел... И скрылся за горою.
За рубежом родной земли
Скитаясь нищим, сиротою,
Какие слезы не лились!
Какой ужасною ценою
Уму познания купил,
И девство сердца сохранил.

Без малодушной укорины
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерять пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы,
Все беззаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!.. Без крова жить
(Сирот и солнышко не греет),
Людей изведать — и любить!
Незлобным сердцем сожалея
О недостойных их делах
И не кощунствуя впотьмах,
Как царь ума. Убогим, нищим,
Из-за куска насущной пищи,
Глупцу могучему годить
И мыслить, чувствовать и жить!..
Вот драма страшная, святая!..
И он прошел ее, рыдая,
Ее он строго разыграл
Без слова; он не толковал
Своих вседневных приключений
Как назидательный роман;
Не раскрывал сердечных ран
И тьму различных сновидений,
И байронический туман
Он не пускал; толпой ничтожной
Своих друзей не поносил;
Чинов и власти не казнил,
Как N, глашатай осторожный,
И тот, кто мыслит без конца
О мыслях Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судит люди, не жалея

Родного брата и отца;
Тот лжепророк! Его сужденья —
Полуидеи, полувздор!..

Провидя жизни назначенье,
Великий Божий приговор,
В самопытливом размышленьи
Он подымал слезящий взор
На красоты святой природы.
«Как все согласно!» — он шептал
И край родной воспоминал;
У Бога правды и свободы
Всему живущему молил,
И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал... «О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована, и я.
Великим словом Божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
Пророка камнем побьют!
Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!
О Боже! Сильный и правдивый,
Тебе возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
Воспрянуть мертвым повели,
Благослови всеильным словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли,
Земли поруганной, забытой,
Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли».
Как тучи, мысли расходились,
И слезы капали, как дождь!..
Блажен тот на свете, кто малую долю,
Кроху от трапезы волен уделить

Голодному брату и злобного волю
Хоть властью суровой возмог укротить!
Блажен и свободен!.. Но тот, кто не оком,
А смотрит душою на козни людей,
И может лишь плакать в тоске одинокой —
О Боже правдивый, лиши Ты очей!..
Твои горы, Твое море,
Все красы природы
Не искупят его горя,
Не дадут свободы.
И он, страдалец жизни краткой,
Все видел, чувствовал и жил,
Людей, изведавши, любил
И тосковал о них укладкой.
Его и люди полюбили *, [* Как цветок, процветший на их болоте.]
И он их братьями звал;
Нашел друзей и тайной силой
К себе друзей причаровал;
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый... порой,
Как волхв, вещатель молодой
Речами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлял;
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укреплял.
Он говорил, что обще благо
Должно любовь купить
И с благородною отвагой
Стать за народ и зло казнить.
Он говорил, что праздник жизни,
Великий праздник, Божий дар,
Должно пожертвовать отчизне,
Должно поставить под удар.
Он говорил о страсти нежной,
Он тихо, грустно говорил,
И умолкал!.. В тоске мятежной
Из-за стола он выходил
И горько плакал. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни с кем страдалец не делил.
Друзья любили всей душою
Его, как кровного; но он
Непостижимою тоскою
Был постоянно удручен,
И между ними вольной речью
Он пламенел. Но меж гостей,

Когда при тысяче огней
Мелькали мраморные плечи,
О чем-то тяжело он вздыхал
И думой мрачною летал
В стране родной, в стране прекрасной,
Там, где никто его не ждал,
Никто об нем не вспоминал,
Ни о судьбе его неясной.
И думал он: «Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными,
Они все равны меж собой,
А я!..» — И тихо он выходит,
Идет задумавшись домой;
Никто из дому не выходит
Его встречать; никто не ждет,
Везде один... Тоска, томлень!..
И светлый праздник Воскресенья
Тоску старинную несет.
И вянет он, вянет, как в поле былина,
Тоскою томимый в чужой стороне;
И вянет он молча... Какая кручина
Запала в сердечной его глубине?
«О горе мне, горе! Зачем я покинул
Невинности счастье, родную страну?
Зачем я скитался, чего я достигнул?
Утехи познаний?.. Кляню их, кляню!
Они-то мне, черви, мой ум источили,
С моим тихим счастьем они разлучили!
Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому сердца раны в слезах покажу?
Здесь нету мне пары, я нищий меж ними,
Я бедный поденщик, работник простой;
Что дам я подруге моими мечтами?
Любовь... Ах, любви, любви одной!
С нее на три века, на вечность бы стало!
В своих бы объятьях ее растопил!
О, как бы я нежно, как нежно любил!»
И крупные слезы, как искры, низались,
И бледные щеки, и слабую грудь
Росили и сохли. «О дайте вздохнуть,
Разбейте мне череп и грудь разорвите, —
Там черви, там змеи, — на волю пустите!
О дайте мне тихо, навеки заснуть!»

Страдал несчастный сирота
Вдали от родины счастливой,
И ждал конца нетерпеливо.
Его любимая мечта —
Полезным быть родному краю, —
Как цвет, с ним вместе увядает!
Страдал он. Жизни пустота
Пред ним могилой раскрывалась:
Приязни братской было мало,
Не грела теплота друзей —
Небесных солнечных лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что Бог зажег
В стыдливом сердце голубином
Невинной женщины, где б мог
Полет превыспренный, орлиный
Остановить и соединить
Пожар любви, любви невинной;
Кого бы мог он приютить
В светлице сердца и рассудка,
Как беззащитную голубку,
От жизни горестей укрыть;
И к персям юным, изнывая,
Главой усталою прильнуть;
И, цепenea и рыдая,
На лоне жизни, лоне рая
Хотя минуту отдохнуть.
В ее очах, в ее томленьи
И ум, и душу утопить,
И сердце в сердце растопить,
И утонуть в самозабвеньи.

Но было некого любить;
Сочетаваться не с кем было;
А сердце плакало, и ныло,
И замирало в пустоте.
Его тоскующей мечте
В грядущем что-то открывалось,
И в беспредельной высоте
Святое небо улыбалось.
Как воску ярого свеча,
Он таял тихо, молчаливо,

И на задумчивых очах
Туман ложился. Взор стыдливый
На нем красавица порой
Покоя, тайно волновалась
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
И, может, многие грустили
Сердца девичие о нем,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокий до могилы
На камнях острых проведен.
Изнемогал он, грудь болела,
Темнели очи, за крестом
Граница вечности чернела
В пространстве мрачном и пустом.
Уже в постели предмогильной
Лежит он тих, и гаснет свет.
Друзей тоскующий совет
Тревожит дух его бессильный.
Поочередно ночевали
У друга верные друзья;
И всякой вечер собиралась
Его прекрасная семья.
В последний вечер собрались
Вокруг предсмертного одра
И просидели до утра.
Уже рассвет смыкал ресницы,
Друзей унылых сон клонил,
И он внезапно оживил
Их грустный сон огнем бывалым
Последних пламенных речей;
И други друга утешали,
Что через семь иль восемь дней
Он будет петь между друзей.
«Не пропою вам песни новой
О славе родины моей.
Сложите вы псалом суровый
Про сонм народных палачей;
И вольным гимном помяните
Предтечу, друга своего.
И за грехи... грехи его
Усердно Богу помолитесь...
И Со святыми упокой
Пропойте, други, надо мной!»

Друзья вокруг его стояли,
Он отходил, они рыдали,
Как дети... Тихо он вздыхал,
Вздыхнул, вздохнул... Его не стало!
И мир пророка потерял,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
Наутро в церковь гроб дубовый,
Рыдая, предали земли
Останки друга; и лавровый
Венок зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили
И на могиле положили;
И Со святыми упокой
Запели тихо и уныло.

В трактире за круглым, за братским столом
Уж под вечер други сидели кругом;
Печально и тихо двенадцать сидело:
Их сердце одною тоскою болело.
Печальная тризна, печальны друзья!..
Ах, тризну такую отправил и я.

Согласьем общим положили,
Чтоб каждый год был стол накрыт
В день смерти друга; чтоб забыт
Не мог быть друг их за могилой.
И всякой год они сходились
В день смерти друга поминать.

Уж многих стало не видеть:
Приборы каждый год пустели,
Друзья все больше сиротели —
И вот один, уж сколько лет,
К пустым приборам на обед
Старик печальный приезжает;
Печаль и радость юных лет

Один, грустя, вспоминает.
Сидит он долго, мрачен, тих,
И поджидает: нет ли брата
Хоть одного еще в живых?
И одинокий в путь обратный
Идет он молча... И теперь,
Где круглый стол стоит накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И брат, что временем забытый,
Вошел согбенный!.. Грустно он
Окинул стол потухшим взором
И молвил с дружеским укором:
«Лентяи! Видишь, как закон
Священный братский исполняют!
Вот и сегодня не пришли,
Как будто за море ушли! —
И слезы молча утирает,
Садясь за братский круглый стол. —
Хоть бы один тебе пришел!»
Старик сидит и поджидает...

Проходит час, прошел другой,
Уж старику пора домой.
Старик встает: «Да, изменили!
Послушай, выпей, брат, вино, —
Сказал слуге он, — все равно,
Я не могу; прошло, что было, —
Да поминай за упокой;
А мне пора уже домой!»
И слезы снова покатались.
Слуга вино, дивясь, выпил.
«Дай шляпу мне... Какая лень
Идти домой!..» — и тихо вышел.

И через год в урочный день
Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят,
И день уж проходит,
Никто не приходит,
Навеки, навеки забыты оне.

[1843, Яготин]

Поема (первісна назва «Бесталанній») написана 1843 р. в Яготині під час перебування Т. Шевченка в маєтку Миколи Григоровича Репніна (1778—1845), брата декабриста Сергія Волконського. Присвячена дочці Репніна Варварі Миколаївні (1808—1891).

1. *Тризна* — поминки по душі померлого у слов'ян.

2. *Персть* (церк.-слов.) — земля.